

Белгородская региональная общественная организация
«Историческое общество «Ратник»

БЕЛГОРОДСКАЯ ЧЕРТА

Сборник статей и материалов по истории
Белгородской оборонительной черты

Выпуск 5

КОНСТАНТА
Белгород, 2020

**БОЕВЫЕ ОПЕРАЦИИ В ДНЕПРО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ
НАКАНУНЕ НАЧАЛА СТРОИТЕЛЬСТВА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ
(СМОЛЕНСКАЯ ВОЙНА 1632—1634 ГГ.)**

А.И. Папков,

кандидат исторических наук, доцент,

Е.В. Дворецкий,

кандидат исторических наук, доцент,

г. Белгород

В статье рассматриваются боевые действия, развернувшиеся на южной окраине России и смежных территориях Речи Посполитой во время Смоленской войны 1632—1634 гг. Автор обосновывает вывод о том, что данные военные операции оказали существенное влияние на ход всей кампании в целом, несмотря на то, что данный театр боевых действий являлся второстепенным по сравнению со Смоленским. Существенное значение имеет указание на существенную роль в военных операциях на порубежье отрядов черкас — казаков, находившихся в это время на службе у Речи Посполитой. Боевые столкновения отличались ожесточенностью, в результате уничтожались укрепленные пункты по обе стороны границы, как на территории Российского царства, так и на украинских землях Речи Посполитой.

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневно-бытовые модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI — начало XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Ключевые слова и фразы: *Смоленская война, Российское царство, Речь Посполитая, черкасы.*

Укрепление Российского государства к 30-м гг. XVII в. позволяло, по мысли российского правительства, начать борьбу с Речью Посполитой за возвращение Смоленска. В Москве решили, что международная обстановка благоприятствует достижению этой цели. Расчет исходил из того, что Речь Посполитая скована борьбой с Османской империей и Крымом. В то же время главные европейские державы были втянуты в Тридцатилетнюю войну и не могли активно вмешиваться в дела Восточной Европы. Кроме того, наметился военный союз Российского царства и Швеции. Вероятно, Россия рассчитывала на поражение Польши на западном фронте, от Швеции. Смоленская война должна была отвлечь польские силы на восток¹. В итоге Речь Посполитая должна была принять выгодные для России условия мира. Однако в августе 1632 г. Российское царство начало войну с Польшей,

так и не заручившись поддержкой Швеции и Турции. Смоленская война 1632—1634 гг. была ярким проявлением борьбы России и Речи Посполитой за гегемонию в Восточной Европе. Основные сражения развернулись под Смоленском, но события, происходившие на южном российском порубежье — Поле, оказали определенное влияние на результаты всей кампании в целом.

Считалось, что если не решили, то, по крайней мере, существенно изменили ход войны набеги крымских татар на Польскую Украину России в 1632 и 1633 гг.² В.П. Загоровский упоминал о польско-литовских отрядах на окраине, но не рассматривал их состав и действия, согласившись в целом с мнением А.А. Новосельского³. При этом следует обратить внимание на исследование В. Годжишевского о взаимоотношениях Польши и России в годы правления короля Владислава IV⁴. В нем, на основа-

нии использования работ С.М. Соловьева, Н.Н. Бантыш-Каменского, опубликованных российских документов и материалов рукописных собраний варшавских в краковских библиотек, автор рассматривает польское участие в российской Смуте, события Смоленской войны и процесс послевоенного урегулирования. К.В. Петров ввел в научный оборот ряд источников по истории русско-польской войны 1632—1634 гг. Однако он говорил только о боевых действиях под Смоленском⁵. Участию черкас в Смоленской войне посвятил специальное исследование О. Целевич⁶, однако данные, содержащиеся в опубликованных актах, позволили ему подробнее, чем ранее М.С. Грушевскому, который описывал боевые действия, происходившие непосредственно в окрестностях Смоленска, рассмотреть участие черкас в военных действиях под Смоленском, но не дали возможности с достаточной полнотой проанализировать их действия на южных границах Российского царства. В более поздней работе по истории Смоленской войны Е.Д. Сташевский⁷ вообще не затрагивал вопрос об участии черкас в боевых действиях против России. Описывая состояние российских крепостей на Поле в предвоенный период, автор говорит только о татарской опасности. Однако изучение материалов русского приказного делопроизводства дает основание для внесения корректив в упомянутую оценку.

Накануне войны напряженность на порубежье возрастала. В марте 1631 г. в Путивль пришел курянин Алексей Васильев, проживший два года в Запорожье и столько же в Батурине. Он рассказал, что слышал от черкас о том, что они готовят поход в Россию. Черкасы получили распоряжение польского правительства ждать в приграничных городах прибытия на левый берег Днепра гетмана Конецпольского с войсками⁸. 16 июня 1631 г. в Путивль из Киева вернулся Григорий Гладкой. Он сообщил, что «...черкасы, государь, все поддались в королевскую волю. И по их де прошенью король велел их, черкас, выписывать на шесть тысяч. И

на те де шесть тысяч король черкасом и гроши дал, а две де тысячи письменных черкас велел король к ним же прибавить, только тем де черкасом, дву тысячам, гроши еще на даваны»⁹. Согласно царскому указу, из приграничных городов осенью 1631 г. за рубеж посылались лазутчики. В ноябре 1631 г. рыльскому воеводе было доложено о том, что польский король прислал гетману Кулаге знамя, булаву, бубны и велел созывать черкас. Лазутчики сообщали направление (Путивль, Рыльск) и время («как реки станут») ожидаемого похода¹⁰. Таким образом, опасения российской администрации подтвердились. Уже в конце 1631 г. ожидался не просто набег черкас на российскую окраину, а вторжение значительного числа казаков, организованное польскими властями.

Правительство Польши также учитывало возможные военные действия со стороны российских служилых людей на южной границе. По сообщениям русских лазутчиков и торговых людей, черкас планировалось использовать не только для похода на пограничные города России, но и для оберегания своих границ от прихода российских войск¹¹.

Следовательно, к началу боевых действий черкасы представляли значительную силу, с которой вынуждены были считаться оба враждующих государства. Однако с привлечением черкас к войне в России у польского правительства возникли определенные трудности. Сказалась религиозная рознь и антиуниатская агитация киевского митрополита. Иван Кулага сначала был отстранен от гетманства, а затем убит черкасами в Каневе за то, что «хотел обляшиться»¹². После этого произошел ряд столкновений казаков с поляками и униатами. Такие конфликты были выгодны Москве, поскольку они ослабляли силы Речи Посполитой и отвлекали черкас от участия в военных действиях против Российского царства. Действительно, в 1632 г. последние не предпринимали активных действий против российских войск, располагавшихся на Польской и Северной украинах. Появлялись

только небольшие отряды, нападавшие на торговцев и путников. Однако и они представляли значительную опасность. Например, в двух верстах от Белгорода 9 сентября 1632 г. шестеро пеших «литовских людей» захватили двух белгородских стрельцов. От них нападавшие попытались узнать, собираются ли в Москве войска, каково состояние белгородской крепости и много ли служилых людей отправлено из города, и если да, то куда именно. Василий Ожогин и Дмитрий Горелков отвечали так: «...в Белгороде городской острог крепок и белгородцев никаких служилых людей на службу нигде не посылана (так в тексте. — А.П.), все живут в городе, а про московские де люди в зборе что или нет, того де они на ведают». Черкасы отвели их от города на расстояние трех десятков верст и отпустили¹³. В приведенном примере речь идет уже не только о порубежном разбое, но и о подготовке Польши к войне, для которой использовались черкасы. Показательно стремление получить информацию об обороноспособности Белгорода — одной из важных крепостей региона. Можно предположить, что польские власти заранее продумывали план боевых действий на Поле, в котором определенное место отводилось черкасским отрядам.

Правительством были предприняты определенные шаги для подготовки приграничных крепостей к войне. Данный процесс проанализирован Е.Д. Сташевским. Он пришел к выводу о том, что основные города Северной Украины к боевым действиям готовились, но предпринятые меры оказались недостаточными¹⁴. Сведений о состоянии Курска этому автору обнаружить не удалось, однако он смог охарактеризовать обороноспособность ряда других крепостей рассматриваемого региона России. Самым южным укрепленным пунктом была Валуйка. Укрепления этого населенного пункта состояли из рубленого города и острога. Периметр стен острога составлял 685 саж., а детинца — 247 саж. Вокруг острога был выкопан ров. Накануне войны в городской крепости не было колодца, одна угловая

башня была подмыта весенними водами и во многих местах отсутствовала кровля на обламах. Острог не имел обломов и катков¹⁵, многие башни подгнили, а ров осыпался. Еще хуже было состояние укреплений Воронежа. Городовой острог пришел в ветхость, башни погнили, не имели обломов, на двух отсутствовала кровля. Был выстроен новый городской острог, имевший 17 башен, в том числе семь проезжих. Периметр укреплений составлял 1056 саж. Перед острогом пролегал ров, но он был мелким и осыпавшимся. Ливны имели только один ряд укреплений — острог, поставленный после разорения 1619 г. Он имел общую длину стен 309 саж., трое ворот и четыре башни. К 1632 г. острог был ветх и тесен¹⁶.

К рассматриваемому времени Белгород находился на левом низменном берегу Северского Донца. Для характеристики ее обороноспособности накануне Смоленской войны можно отметить, что первоначально башни детинца были «рублены в липовом лесу», но в 1630 г. четыре из них, наиболее сильно подгнившие, были перестроены с использованием дубовых бревен. 15 башен острога были также сооружены из липы, но в том же 1630 г. 11 из них было заменено дубовыми¹⁷. Из изложенного следует, что Белгород представлял собой вполне обороноспособную крепость, имевшую типичную для данного региона систему деревянных защитных сооружений.

Активные боевые действия с войсками Речи Посполитой, состоявшими в значительной мере из черкас, развернулись на южной окраине России в 1633 г. Путивльские воеводы сообщали, что 14 мая 1633 г. «...пришли под Путивль полковник Песочинский, да Мурацкой, да Еремий Вишневецкой, да запорожские черкасы и вольных людей гетманы Дорошенко (так в тексте, вероятно, Дорош Кучкович. — А.П.), да Тимошенко Рандоренко, а с ними польских и литовских людей, и запорожских черкас, и всяких вольных людей тысяч с пятьдесят и больше с нарядом...»¹⁸. Штурм был отбит. (Определенное сомнение может вызвать

слишком большая численность войск, осаждавших Путивль. Речь не может идти об ошибке подьячего, переписывавшего донесение из Путивля, поскольку это число подтверждается данными из Разрядных книг¹⁹. Тем не менее современные исследователи склоняются к определению максимальной численности черкасских отрядов в 20 тыс. чел.²⁰). Вместе с тем 28 мая черкасы выжгли посад Рыльска и разорили уезд²¹.

Черкасам под командованием Якова Острянина весной того же года удалось захватить и разорить г. Валуйку. Успех операции во многом объясняется тем, что вражеский отряд появился под городом внезапно, обойдя станицы и сторожи. Спустя некоторое время под Севском был захвачен черкашенин Михаил Михайлов, участвовавший в Валуйском бое. Отправленный в Москву, он показал, что «...водил их (черкас. — А.П.) под Валуйку изменник, русский человек Матюшка, чей словес, того он не ведает»²². Отписка оскольского воеводы Якова Хрущева проливает свет на некоторые подробности появления отряда Острянина под Валуйкой. Черкасы пришли к крепости не по Муравской сакме, как ожидалось, а «с Поля», по посольской дороге, переправившись через Северский Донец у Святых Гор. После переправы шли глухими местами, по которым сторожи не ездили. Хорошо продуманный маршрут и отменное знание местности обеспечили внезапность нападения. Черкасы подожгли острог, и воевода И. Колтовской с гарнизоном вынужден был идти из крепости на прорыв²³. Пожар был настолько силен, что пушки, стоявшие на башнях, расплавились в «медь дробную», которая впоследствии была доставлена в Москву на переплавку Алексеем Игнатьевым²⁴.

От Валуйки черкасы пошли в Белгородский уезд. 4 апреля 1633 г. они разгромили белгородскую станицу на р. Боровой²⁵. А 5 апреля на р. Корени произошла схватка между черкасским разъездом и белгородскими ратниками под командованием Данилы Везенина. Черкас разбили и захватили пленных²⁶. Однако около 300 черкас 10 сентября

разбили белгородскую сторожу на р. Боровой, примерно там же, где была разгромлена станица Сидора Маслова²⁷. Чуть раньше на р. Польный Воронеж была разбита станица атамана Толмачева, который раненым попал в плен²⁸.

После этого, согласно отписке белгородского воеводы М. Волынского, отряд Острянина предпринял попытку захватить Белгород. Этот отряд появился под Белгородом в июне 1633 г. и около месяца осаждал его, прежде чем начать решительный, но безуспешный штурм 20 июля. Защитники острога были сосредоточены в башнях²⁹. Расположение башен примерно через 80 м друг от друга и наличие перед острожной стеной рва и частика³⁰, видимо, делало подобную схему обороны достаточно эффективной. Острог защищали как служилые люди «по прибору» — казаки, станичные вожи и ездки (по всем башням — 330 чел., от 9 до 38 в каждой), так и «их дети, братья и племянники», т.е. еще не поверстанная в службу лично свободная часть населения города (всего 264 чел., от 13 до 24 в башне). Кроме того, здесь же «государю служили и бились явственно» крестьяне, собранные в округе (всего — 586 «подымовных», в каждой башне от 20 до 56 чел.). Во время штурма черкасы также «приступали» к городу. В это время на стенах и в башнях детинца оборонялись 190 стрельцов (видимо, наиболее боеспособная часть гарнизона), а также 152 их неслужилых родственника и 264 крестьянина из посольской волости. Наибольший ущерб нападавшим причинила крепостная артиллерия, от огня которой штурмующие потеряли 365 чел. Под командованием осадного головы Федора Пищулина находилось 50 пушкарей, в том числе шестеро казенных кузнецов, в военное время обслуживающих затинные пищали. Всего по стенам и башням города располагалось две полуторные пищали, три александрейские пушки, две железные скорострельные пищали, четыре тюфяка, шесть полковых пищалей, в том числе одна, установленная на походном станке и предназначенная для огнево-

го поражения противника в случае его прорыва через городские укрепления, а также «пищаль Собака» и шесть затинных пищалей, не считая пищалей кузнецов.

Во время штурма черкасами Разуменских ворот отряд белгородцев под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого совершил вылазку, не только отбив от стен крепости туры, щиты, приметы и лестницы, но и уничтожив 78 врагов, а одного даже пленив. В вылазке участвовало 214 чел. По своему составу это была лучшая часть гарнизона: 24 станичных головы, 86 дворян и полковых детей боярских, 28 станичных детей боярских, девять стрельцов, 63 донских и два верстанных казака, а также стрелецкий сотник и подьячий съезжей избы Потап Степанов, лично сразивший в том бою трех человек.

Таким образом, по данным «Осадного списка...», в обороне Белгорода летом 1633 г. участвовало 2050 чел., причем 20% из них составляли родственники служилых людей, а 41% — крестьяне, но основную ударную силу представляли собой служилые люди и донские казаки. Именно их действия, а также огонь крепостной артиллерии, нанесли противнику существенный урон, заставивший черкас снять осаду. После того как приступ был отбит, отряд Острянина отошел на территорию Польского королевства³¹. При этом черкасы прошли мимо Путивля и разграбили Комарицкую волость³².

В августе, 26 числа, черкасы под командованием полковников Пырского, Ловерка, Острянина и урядника Сеножатского атаковали Курск. Бой длился с четырех часов дня до вечера. Куряне отбили приступ без особого для себя урона, сгорела только Стрелецкая слобода. Удалось даже захватить 14 пленных. На допросе и под пыткой один из них — Федор Харитонов показал, что под Курском было 3 тыс. литовских людей и черкас, все остальные называли число в 1,5 тыс. чел.³³ Последние показания, видимо, следует признать более достоверными. Они подтверждаются информацией, сообщенной вышедшим в августе 1633 г. в

Путивль из плена Семеном Ильиным. По его словам, сбор черкас происходил под Ромнами. Всего пришло около 3 тыс. чел. Под Курск с «отставленным гетманом» Яковом Остряниным, полковниками Пырским и Лаверком 19 августа двинулись примерно 2 тыс. чел. Остальные разошлись по своим городам³⁴.

В следующем году боевые действия польской армии на южной окраине России с участием черкас продолжались. К этому времени Российское царство сумело договориться с татарами. Крымский хан Джанибек-Гирей обещал свою дружбу московскому царю и подписал шертную грамоту, обязуясь соблюдать мир. 10 января 1634 г. в Разрядном приказе получили отписку с сообщением о приходе в Новгород-Северский уезд 500 запорожцев, посланных для разведки из Прилук князем Вишневецким³⁵. В начале 1634 г. поляки и черкасы вновь появились под Курском. Они разбили два табора под городом и с 13 по 15 января предпринимали безуспешные попытки захвата крепости³⁶. С 1 по 7 марта 1634 г. другой русский город, Севск, тоже подвергся серьезному приступу. Штурм был отбит, несмотря на значительное количество атаковавших. Численность польских сил под Севском оценивалась современниками по-разному. Согласно отписке путивльских воевод, ссылавшихся на показания пленных, под Севском было: 800 поляков, 200 немцев и более 9 тыс. черкас³⁷. В сообщении Ивана Колошинского из Комарицкой волости приводятся другие цифры: «Языки показали: польских людей и литовских Вишневецкого полка 4 тысячи, а с паном Желковским за 2 тысячи, а с гетманом запорожским и с его полковники запорожских черкас и казаков за 6 тысяч»³⁸. Здесь же поименно перечислены командиры отрядов черкас. Это гетман Ильяш, полковники Григорий Черкасский, Данила Каневский, Яцко Острянин (вероятно, полтавский полковник. — А.П.), Юрко Латыш Чигиринский, Филоненок Косынский и полковник Белецкий. Присланные в Москву из Севска пленные черкасы показали, что под

Севском было до 30 тыс. чел. при 20 орудиях³⁹. А Григорий Михайлов (попавший в плен к черкасам в то время, когда Сагайдачный захватил Оскол), находившийся с ними под Севском, выйдя в Рыльск, говорил о 10 тыс. чел.⁴⁰ Несмотря на расхождения в оценке численности войск Речи Посполитой под Севском, можно сделать вывод: силы эти были весьма значительны и не менее, чем наполовину, состояли из черкас.

После неудачного приступа черкасы остались в районе Севска и Комарицкой волости. В это время пришло сообщение о готовящемся набеге татар на Речь Посполитую. Польские гетманы Жолкевский и Вишневецкий приняли решение передислоцировать силы для отражения вторжения. С таким планом не согласились запорожцы. По сведениям рыльского воеводы, полковники Ильяш Черный и Острянин заявляли, что «...им, запорожским и листровым (реестровым. — А.П.) казакам, с Желковским и Вышневецким на Корыжский перевоз не идти, а идти де им, запорожским и листровым черкасам, под Смоленск или на Муравский шлях»⁴¹. Они действительно покинули Комарицкую волость и направились на юг. Однако на Поле черкасы не боролись с татарами, а воевали с российскими служилыми людьми. С 4 по 16 апреля 1634 г. двенадцатитысячный отряд гетмана Ильяша Черного, полковников Данилы Данилова и Яцко Острянина безуспешно пытался овладеть Курском. Черкасам удалось лишь выжечь слободы⁴². Судя по словам двух пленных, захваченных рылянами в апреле 1634 г., коронный гетман Конецпольский направил под российские украинные города 12 тыс. черкас под командованием Ильяша. Примечательно, что в распросных речах Ильяша именуют то полковником, то гетманом. Упомянутый отряд действовал в Комарицкой волости⁴³.

Полтавские черкасы вновь появились под Белгородом в 20-х числах марта 1634 г. Первоначально белгородские станичники обнаружили сакму, а затем и самих черкас. Последние, в количестве около 2 тыс. чел., расположились в 70 верстах от города. В

отсутствие Я. Острянина ими командовали полковники Филипп и Семен⁴⁴. В дальнейшем Острянин вернулся в Полтаву. Узнав об их появлении, М.П. Волынский послал станицу под Полтаву. Станица Никиты Тарасова вернулась в Белгород 3 мая, привезя с собой языка — черкашенина Семена Петрова. Он сообщил, что полтавский полковник Яков Острянин направил письма в Переяславль и другие «литовские порубежные городки» с предложением всем полковникам и урядникам сходиться к нему в Полтаву, а оттуда немедленно идти под Белгород⁴⁵. В дальнейшем эти данные подтвердились. 13 мая 25 белгородцев под командованием Сидора Маслова разбили черкасский разъезд, состоявший из 15 чел. Захваченный из их числа черкашенин Василий Петров показал, что их послал Я. Острянин из Полтавы для добывания языков, поскольку он планирует поход под Белгород⁴⁶. Местный воевода встревожился, ибо гарнизон был сильно ослаблен — много людей было убито и умерло от ран за предшествующий военный период. В письме к столичной администрации стольник Волынский сообщал, что большой острог нуждается в ремонте и серьезного приступа не выдержит⁴⁷. Так и случилось. Черкасы под командованием Я. Острянина, вновь, но теперь уже внезапно, появились под стенами Белгорода. Помимо Острянина черкасами командовали полковник Пырской и лубенский полковник Ловерко. Сбор отряда происходил в Лубнах. Его численность достигла семи тысяч человек. Из Лубен черкасы шли Бокаевым шляхом. Переправившись через Северский Донец возле устья Везелицы, они начали штурм крепости в 4 часа утра 8 июня 1634 г. К 5 часам вечера большой острог был захвачен и сожжен. До 12 июня продолжались приступы к детинцу, но гарнизон сумел отбиться, уничтожив 230 нападавших⁴⁸. Потеряв надежду на дальнейшее развитие первоначального успеха, черкасы ушли с полоном в пределы Речи Посполитой⁴⁹.

После отступления врага был составлен соответствующий осадный список⁵⁰. Во

время штурма на стенах и в башнях детинца оборонялись 176 стрельцов (в 1633 г. — 190), а также 97 (против 152 в 1633 г.) их неслужилых родственников и 174 крестьянина из посопной волости (в предшествующем году — 264). В угловой башне находилось также 14 донцов. Как и в остроге, урон противнику нанесли лишь донские казаки и служилые люди — стрельцы, убившие во время приступа 31 чел. Но наибольший ущерб нападавшим причинила крепостная артиллерия, от огня которой штурмующие потеряли около 250 чел. Под командованием осадного головы Федора Гавриловича Пищулина находилось 46 пушкарей, в том числе шестеро казенных кузнецов, в военное время обслуживающих затинные пищали. Во время штурма города черкасами отряд белгородцев под командованием стрелецкого и казачьего головы Варфоломея Хитрого совершил вылазку, в которой участвовало 76 чел. Как и ранее, по своему составу это была лучшая часть гарнизона: 21 чел. станичных голов, 27 полковых детей боярских, 25 станичных детей боярских, а также стрелецкий сотник, подьячие съезжей избы Потап Степанов и Федор Спесивцов. Таким образом, в обороне Белгорода летом 1634 г. участвовало 1547 чел., что на 503 чел. меньше по сравнению с предшествующим годом. Следовательно, белгородский гарнизон сократился на четверть, что сказалось на обороноспособности крепости. Причем в составе гарнизона увеличился процент неслужилых людей: 24 % составляли родственники служилых людей (ранее — 20 %), а 44 % — крестьяне, против 41 %. Как и ранее, основную ударную силу представляли собой служилые люди и донские казаки, действия которых, в совокупности с артиллерийским огнем, и нанесли противнику основной урон. Однако на этот раз крепость существенно пострадала.

Естественно, русская администрация предпринимала ответные шаги. На местах, по мере возможности, организовывался отпор, продолжалась станичная и сторожевая служба. В это же время несколько отря-

дов было отправлено за рубеж для захвата «языков». Походы русских служилых людей под Борзну и Ромны были успешными — пленных привели в Путивль⁵¹. Однако русские служилые люди не ограничивались предписанным правительством районом действий. Так, осенью 1634 г. путивльский воевода Семен Волконский составил список городских казаков, выбывших из службы в годы Смоленской войны⁵². В нем, помимо погибших в ходе осады Путивля и во время похода под Борзну в 1633 г., значатся три казака, погибших на службе под Ромнами еще в 1632 г. Значит, и в этом году русские войска действовали в районе городов, расположенных на украинских землях Речи Посполитой. И если это был не широкомасштабный поход, то, по крайней мере, рейд разведывательного отряда. В пользу последнего предположения говорят последующие события. Из Путивля и Рыльска 10 января 1633 г. в Разряд прибыли гонцы с донесениями о походах объединенных сил путивльцев и рылян в район Ромен. В ходе этой военной экспедиции были взяты два острожка и выжжены посады⁵³. Успех этой операции можно связать с тщательной предварительной разведкой. По всей видимости, Ромны были быстро восстановлены, т.к. спустя всего полгода, 23 июля 1633 г., отряд путивльцев снова сжег Роменский острог⁵⁴.

20 декабря 1632 г. русскими войсками был предпринят штурм Новгорода-Северского, обороняемого черкасами и поляками под командованием Яна Кунинского. В ходе приступа удалось зажечь одну башню, от нее загорелась вся крепость. Город был взят, около 400 чел. пленено. Воеводам Еропкину и Болтину поручили поставить на месте сгоревшего новый острог для обороны от «литовских людей» и черкас⁵⁵. В это же время путивльцы сожгли острог г. Батурина. При штурме захватили 48 пленных, а большая часть гарнизона погибла в огне⁵⁶. 20 ноября 1633 г. в Белгород вернулись ратные люди из рейда по польской территории. Они сообщили воеводе Волконскому об отсутствии в Полтаве войск, готовых

к походу, т.к. черкасы ушли в Лубны. Белгородцы доложили о взятии ими Полтавского города и острога, при этом: «...многих литовских людей побили и большой острог и слободы и посады сожгли, а достальные литовские люди сели в малом острожке»⁵⁷. Объединенные силы из Рыльска, Путивля, Новгорода-Северского и Севска взяли и разорили город Борзну. Походу предшествовала разведка. Из Путивля в окрестности Борзны был направлен отряд черниговца Юрия Велесского, который смог захватить шестерых «языков». Пленные показали, что запорожцы в Борзну еще не пришли⁵⁸. Только после этого, 19 декабря 1633 г., русские силы двинулись в поход. Большой и малый остроги, села, деревни и слободы в округе были сожжены. Языков, поляков и черкас привели в свои города: в Рыльск — 17 чел.⁵⁹, в Путивль — 20⁶⁰. О масштабах урона, причиненного неприятелю действиями российских войск, можно судить по числу разоренных дворов, которых в слободах возле г. Борзны в 1632 г. насчитывалось 300—400⁶¹.

Одной из трудных, но успешных экспедиций русских войск стал поход на Миргород осенью 1633 г. Ему предшествовала тщательная подготовка. Путивльские воеводы Никита Никитич Гагарин и Андрей Васильевич Усов отправили отряд путивльцев под командованием головы Владимира Григорьевича Черепова для захвата пленных. «Языков» добыли под г. Серебряным и только после их допроса ратные люди были посланы на Миргород⁶². Из Путивля отряд под командованием Ивана Бутурлина вышел 27 сентября 1633 г., а 30 числа того же месяца был предпринят штурм Миргорода. Большой острог был взят, в крепости захватили значительное количество пленных, а многие из оборонявшихся были убиты и ранены. Небольшой части гарнизона удалось отсидеться в «малом острожке», который не сумели взять, видимо, из-за нехватки времени. Пленные показали, что в Лубнах, расположенных в 30 верстах от Миргорода, находится отряд полковника Пырского, усиленный воинскими людьми

и черкасами из других городков. Это обстоятельство обусловило торопливость действий русских войск. Стены крепости, башни, дворы, посад и прилегающие слободы сожгли. В качестве трофеев не стали брать даже крепостную артиллерию. Пушки оставили на стенах, их «...сволочь не успели, потому что зажгли острог вскоре и сами пошли назад»⁶³.

В составе отряда И. Бутурлина были путивльские и черниговские дворяне, дети боярские, верстаные казаки, а также донские атаманы, есаулы и казаки. Точную численность отряда определить невозможно, сохранился только послужной список этого похода, в котором перечислены наиболее отличившиеся его участники⁶⁴. Наибольший урон противнику нанесли дворяне и дети боярские, составлявшие, видимо, ударную силу отряда. Согласно списку 69 путивльских дворян и детей боярских убили 109 чел., а 54 служилых черниговца этой же категории — 74. Если сравнить количество уничтоженных врагов и перечисленных в списке служилых людей, то в первом случае получается соотношение, равное 1,58 в пользу победителей, а во втором — 1,37. В то же время 12 верстаных казаков, упомянутых в списке, убили только 10 чел., что дает соотношение 0,83, а 100 донских казаков уничтожили 68 чел. (соотношение — 0,68).

На обратном пути, в 10 верстах от Миргорода, отряд И. Бутурлина настигли черкасы лубенского полковника Пырского. Вместе с ним действовали отряды лубенского урядника Позлатовского, лохвицкого полковника Турского и миргородского полковника Матяша Царенка. Отписка путивльских воевод, полученная в столице 20 октября 1633 г., сообщает о том, что бой с лубенскими черкасами произошел 1 октября. В ходе боя было захвачено около сотни пленных, убиты полковник Пырской и урядник Турской. В ходе этого сражения было побито более тысячи литовских людей и черкас. Численность погибших в этом сражении черкас весьма приблизительно, ее определяли «по смете», поскольку путивль-

цы спешили как можно быстрее покинуть опасный район. Весьма вероятно, воеводы преувеличили урон, нанесенный противнику, однако тот факт, что в схватке принимали участие значительные силы, подтверждается указанием на протяженность поля боя в три версты и медленным продвижением русского отряда в дальнейшем: за два дня он прошел 20 верст, что не вяжется с предшествующей спешкой. 3 октября возле места, именованного «Пять могил», произошел бой с отрядом под командованием синицкого урядника пана Маркеева, в ходе которого противник потерял более 300 чел. убитыми и ранеными, а пленными — 50. Перед сражением путивльцы убили пленных, захваченных в Миргороде и на бою 1 октября. Сделать это пришлось для того, чтобы высвободить людей, занятых их охраной. А черкасы, плененные 3 октября, показали, что 1 и 2 октября российские войска имели дело со значительными силами черкас — 3 и 2 тыс. чел. соответственно⁶⁵. Эти пленники были приведены в Путивль, но впоследствии половина из них умерла от ран⁶⁶. Большая смертность среди пленных позволяет предположить, что в бою были захвачены, в основном, тяжелораненные, а это свидетельствует об ожесточенности боевых действий. За такую службу царь Михаил Федорович «высказал похвалу» участникам похода⁶⁷. Важно также сообщение воевод о том, что, согласно государеву указу, крестьяне, захваченные в 1633 г. во время походов на украинские земли Речи Посполитой, «...отданы тем путивльским людям, хто их поимал»⁶⁸.

Узнав о разгроме Миргорода, из Нежина в район Ромен прибыл полковник Лаворской (Ловерко) с 1 тыс. черкас. Он разослал «листы» по всем украинским городкам, призывая всех желающих собираться для похода на Путивль⁶⁹.

Помимо крупных отрядов на украинские земли Речи Посполитой совершали рейды небольшие подразделения, выславшиеся воеводами русских крепостей «для разоренья» и «для языков». В июле 1633 г. такие отряды разгромили две деревни в округе Лохвицы, захватили языков на Роменском городище⁷⁰.

Итак, на основании приведенных данных можно заключить: во время Смоленской войны 1632—1634 гг. на Северной и Польской Украине России развернулись активные боевые действия. Масштаб их был значителен. В отписках российских воевод и других документах называются цифры в 50, 5, 6 тыс. вражеских войск. Если учесть, что в начальный период войны под Смоленск правительством Михаила Федоровича было направлено около 32 тыс. чел.⁷¹, то черкасские отряды, действовавшие на Поле, представляли значительную силу.

Ход боевых действий на Поле во время Смоленской войны 1632—1634 гг. подталкивал российское правительство к принятию мер для укрепления обороны в данном регионе. Была осознана невозможность проведения активной политики на Западе без усиления своего положения на Юге. В целом довоенные позиции Российского царства в Днепро-Донской лесостепи были восстановлены довольно быстро.

¹ Подробнее см.: Поршнева Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

² См.: Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948. С. 167; История внешней политики России. Конец XV—XVII век. М., 1999. С. 234—235.

³ См.: Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 66—69.

⁴ Godziszewski W. Polska a Moskwa za Władysława IV. Kraków, 1930.

⁵ Петров К.В. Новые источники по истории Смоленской войны 1632—1634 гг. // Очерки феодальной России. М., 2000. Вып. 4. С. 116—131.

⁶ Целевич О. Участь казаків в Смоленській війні 1633-4 рр. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1899. Т. 28. Кн. 2. С. 1—72.

⁷ Сташевский Е. Смоленская война 1632—1634 гг. Киев, 1919.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 40. Л. 66.

⁹ Там же. Д. 4. Л. 319.

¹⁰ Акты Московского государства, изданные

- Императорской Академией наук. М., 1890. Т. I. № 318. С. 337 (далее: АМГ).
- ¹¹ См.: Там же. № 329. С. 347; № 331. С. 348.
- ¹² Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. I. № 72. С. 124—125; № 74. С. 128 (далее: ВУСР).
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 79. Л. 203—205.
- ¹⁴ Сташевский Е. Указ. соч. С. 265—281.
- ¹⁵ Катки — короткие бревна, предназначенные для сбрасывания со стен на головы штурмующего крепость противника.
- ¹⁶ Сташевский Е. Указ. соч. С. 288—295.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 58. Л. 454—455.
- ¹⁸ АМГ. Т. I. № 529. С. 503.
- ¹⁹ Дворцовые разряды. СПб, 1851. Т. II. Стб. 333 (далее: ДР).
- ²⁰ См.: Кулаковський П. А.И. Папков. Порубежъе Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (рецензия) // Український гуманітарний огляд. Київ, 2006. Вип. 12. С. 219.
- ²¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Д. 99. Л. 369.
- ²² Там же. Оп. 13. Д. 60. Л. 306.
- ²³ Там же. Оп. 12. Д. 60. Л. 46—48.
- ²⁴ Там же. Оп. 14. Д. 117. Л. 102.
- ²⁵ Там же. Оп. 12. Д. 60. Л. 96.
- ²⁶ Там же. Л. 90.
- ²⁷ Там же. Л. 92—93.
- ²⁸ Там же. Л. 87.
- ²⁹ Там же. Д. 50. Л. 1—65.
- ³⁰ Частик — частокол из заостренных бревен.
- ³¹ АМГ. Т. I. № 538. С. 517.
- ³² Жемайтис С.Г. Источники по истории Смоленской войны (1632—1634 гг.) в собрании П.П. Дубровского // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах отдела рукописей и редких книг. Л., 1988. С. 48.
- ³³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 53. Л. 13—20.
- ³⁴ Там же. Л. 28.
- ³⁵ Там же. Л. 330.
- ³⁶ Там же. Оп. 9. Д. 102. Л. 514.
- ³⁷ АМГ. Т. I. № 635. С. 585.
- ³⁸ Там же. № 636. С. 587.
- ³⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 101. Л. 321.
- ⁴⁰ Там же. Л. 336.
- ⁴¹ АМГ. Т. I. № 664. С. 616—617.
- ⁴² Там же. № 663. С. 616.
- ⁴³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 9. Д. 101. Л. 423—424.
- ⁴⁴ Там же. Л. 343; Л. 361.
- ⁴⁵ Там же. Л. 499—501.
- ⁴⁶ Там же. Л. 583—584.
- ⁴⁷ Там же. Л. 525.
- ⁴⁸ Там же. Л. 629—630.
- ⁴⁹ АМГ. Т. I. № 680. С. 625.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 50. Л. 66—111.
- ⁵¹ Там же. Оп. 15. Д. 125. Л. 1—5.
- ⁵² Там же. Оп. 12. Д. 103. Л. 8—21 об.
- ⁵³ ДР. Т. II. Стб. 311—312.
- ⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Д. 117. Л. 79.
- ⁵⁵ Там же. Д. 95. Л. 546—549.
- ⁵⁶ Там же. Л. 67.
- ⁵⁷ Танков А.А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913. Т. I. С. 194.
- ⁵⁸ АМГ. Т. I. № 547. С. 520.
- ⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 53. Л. 333.
- ⁶⁰ Танков А.А. Указ. соч. С. 207; РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 73. Л. 1—2.
- ⁶¹ Ткаченко Н.М. Очерки по истории крестьян Левобережной Украины XVII в. Автореф. дисс. ...докт. ист. наук. Киев, 1963. С. 10.
- ⁶² РГАДА. Ф. 210. Оп. 14. Д. 178. Л. 47.
- ⁶³ Там же. Оп. 12. Д. 53. Л. 62.
- ⁶⁴ Там же. Оп. 14. Д. 178. Л. 45—66.
- ⁶⁵ Там же. Оп. 12. Д. 53. Л. 61—63.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 14. Д. 117. Л. 68—74.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 13. Д. 57. Л. 636—639; Оп. 12. Д. 53. Л. 67—69.
- ⁶⁸ Там же. Оп. 14. Д. 178. Л. 46.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 12. Д. 53. Л. 155.
- ⁷⁰ Там же. Д. 117. Л. 78—79.
- ⁷¹ Акты XVI—XVII вв., извлеченные А.Н. Зерцаловым. М., 1897. С. 113.

